

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР

КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени А.М.ГОРЬКОГО

На правах рукописи

Т А Р А Н Диана Яковлевна

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА
(Климент)

01.01-02 – Советская литература

/Диссертация написана на русском языке /

Автореферат
диссертации на соискание ученой
степени кандидата филологических
наук

Таран

К и е в - 1973

НБ НПУ
імені М.П. Драгоманова

100313926

Диссертация выполнена в Киевском государственном педагогическом институте им.А.М.Горького.

Научный руководитель: доктор филологических наук
И.Т.КРУК

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор Е.Б.ТАГЕР

кандидат филологических наук
И.Д.БАЖИНОВ

Внешняя рецензия:

Воронежский государственный университет

Автореферат разослан " 30 " апрель 1973 года

Защита диссертации состоится " 30 " мая 1973 года
на заседании Ученого совета Киевского государственного педагогического института им.А.М.Горького (Киев-30, ул.Пирогова,9).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА

Андрей Платонович Платонов /А.П.Климентов - 1899-1951/ - русский советский писатель сложной литературной судьбы.

Творчество его пока еще недостаточно изучено. Одна из причин этого - спорность идейно-художественной концепции автора. Между тем, интерес к наследию и личности Андрея Платонова в нашей стране и за рубежом все возрастает.¹

Количество статей, рецензий на его произведения, включая предисловия к его сборникам и фрагменты в исследованиях общетеоретического характера / о жанрах, проблемах психологизма в литературе и проч./ достигает довольно внушительных цифр: с 1922 по 1972 гг. в СССР - около 200, а за рубежом с 1950 по 1972 - свыше 40. Сравнительно недавно защищены две диссертации: "Творчество А.П. Платонова /1899-1951/" - Л.П. Фоменко в 1969 г. при Московском пединституте им. Крупской и "Творчество Андрея Платонова 20-х годов" - Н.П. Сейранян в 1970 г. при Ереванском государственном университете. В ПНР /Р.Сливовски/ и ЧССР /М.Вагнер/ появились в академических журналах статьи, посвященные анализу платоновских произведений. Вышла научная работа во Франции, выполненная А.Эпельбуэн.²

Тем не менее ни одной монографии, посвященной А.П. Платонову, нет еще ни в нашей стране, ни за рубежом.

1. Показательно число публикаций платоновских произведений за границей: с 1936 по 1955 гг. - 5 / в том числе 2 сборника: во Франции - 1945, Польше - 1950/; с 1961 по настоящее время - свыше 20 / в том числе 18 сборников/ - на английском, французском, немецком, польском, чешском, венгерском, итальянском, румынском, японском языках.

2. Annie Epelboin. Les héros dans les nouvelles de Platonov. - Faculté de Vincennes. Mémoire de maîtrise sous la direction de Frioux, 1968-69, p.1-98.

По-видимому, назрела необходимость разобраться в особенностях противоречивого художественного мира писателя, проанализировать его своеобразную поэтику и стиль в целом - в широком понимании. Задача эта непростая и требует для своего решения усилий многих литературоведов и историков литературы.

Художественный мир Андрея Платонова отличается большим своеобразием. Стремясь к новаторству, он так выразил свое литературное кредо: "Ни один писатель не должен дублировать другого, если не в смысле тем, то хотя бы в смысле исполнения"¹. "Свой подход к теме" отметил уже у раннего Платонова - поэта В. Брюсов в рецензии на сборник стихов "Голубая глубина" /1922/². Появление платоновской прозы довольно быстро было замечено: доказательство тому - премия журнала "Красная нива" за лучший рассказ /"Бучило"/ - в 1924 году и отклик М. Горького на сборник "Епифанские шлезы" в 1927 году.

Такие советские художники, как Л. Леонов, Вс. Иванов, К. Паустовский, отмечали художественную силу его произведений, своеобразие платоновского речевого стиля, отличающегося эффектом замедленного действия /во фразе или даже части ее нередко передается глубокое "течение времени": "Она долго и терпеливо болела..." "Он поселился в избе у ее родителей, а потом постепенно женился на ней",.../. Ряд современных советских писателей учится мастерству у Андрея Платонова /о чем свидетельствуют либо они сами, либо критики³/.

Некоторые характерные признаки неповторимого дарования Андрея Платонова были определены не только писателями, но и критиками.

1. Из рецензии А. Платонова на книгу И. Е. Гехтмана "Золотая Колыма /"Дальгиз", Хабаровск, 1937/. - Журнал "Литературный критик", 1938, № 2, стр. 23-24.

2. В. Брюсов. Среди стихов. - "Печать и революция", 1923, № 6, стр. 170.

3. См.: "А. П. Платонов. Материалы к библиографии. Составитель Н. М. Митракова". - "Центр.-Черноземн. изд-во", 1969, № 521, 525, 587, 593 и др. материалы.

Так, Л. Дашков, Н. Замошкин в 1927 году, М. Сокольников в 1928 - довольно пронизательно и доброжелательно оценили сборники Платонова "Епифанские шлюзы" и "Сокровенный человек". Интересно, что оперативный и в высшей степени положительный отклик прозвучал на Украине ^I. Понимание характера дарования Платонова обнаружили В. Шкловский и Д. Тальников, а также некоторые другие литературоведы в конце 20-х - начале 30-х годов. Среди рапповских же критиков были в те годы у Платонова серьезные противники.

В 30-40 годы по отношению к Андрею Платонову в критике не было единодушия, что было вызвано, с одной стороны, тенденцией к вульгарному социологизму, а с другой - желанием защитить писателя от нападков представителей этого направления. Известные противоречия, свойственные мировоззрению и творчеству А. Платонова, усиливали накал борьбы вокруг него в те годы. Критическая литература о Платонове 60-х - 70-х годов отличается в большинстве своем тонким проликованием в особенности миропонимания художника и углубленным толкованием его поэтики.

В связи с тем, что изучение наследия А. Платонова находится еще в начальной стадии, исследование сложного художественного мира писателя, как нам кажется, следует начать с характеристики самых общих закономерностей его творчества: ведущих тем и проблем, а также героев в их стилеобразующей роли.

Центральный вопрос всего творчества Андрея Платонова - вопрос о народном счастье, об обретении народом новой души, благодаря революции. Он утверждал "зависимость и ответственность

I. Журнал "Критика" /Харьков/, 1928, № 4, стр. 132.

художника от общей исторической жизни народа"¹. История, социальные сдвиги и народное сознание – вот целостная программа, которую намечал Платонов для всего своего творчества /20–40-е гг./ и которую последовательно, циклично осуществлял. Как видим, программа довольно обширная. В данной работе сделана попытка проследить то новое и значительное, что внес Андрей Платонов в советскую и мировую литературу – в такие темы, как труд, разоблачение фашизма /еще до войны/, военно-патриотическая – во время Великой Отечественной войны и "детская" тематика; выясняется, чем обогатил он связанную с этими темами проблематику; каковы неповторимые стилистические особенности платоновского письма. При этом мы стремились показать эволюцию взглядов и творческих принципов, которые проявлялись на каждом из основных 3-х этапов его писательского пути: в 20-е, 30-е и 40-е годы. Зрелое платоновское творчество /30-х – 40-х гг./ отличалось большей определенностью марксистско-ленинской позиции, чем в 20-е, более откровенной дидактичностью, некоторым сужением жанров и вместе с тем особой отточенностью формы новеллы, среди которых есть подлинные шедевры /"Фро", 1936; "Третий сын", 1936; "Июльская гроза", 1938; "В прекрасном и яростном мире", 1940; "Возвращение", 1946 и др./.

Однако творчество этого писателя и в 20-е годы не только не носило характера ученичества, но и выразилось достаточно самобытно, отличаясь напряженностью поиска "исторической истины" и неизбитых художественных средств изображения жизни.

Диссертация состоит из вступления, двух глав и заключения. В качестве приложения дается библиография к творчеству А.П.Платонова.

1. П.П.Платонов. Из записных книжек. – "Кубань", 1972, № 2, стр. 70.

тонова, содержащая дополнения /свыше 100 наименований, в том числе впервые представлена библиография изданий произведений А. Платонова за рубежом и работ о нем иностранных авторов/ к работе Н.М. Митраковой: "А.П.Платонов/1899-1951/. Материалы к биобиблиографии" /изд. Воронежского университета, Воронеж, 1969, 610 наименований/; а также - исправления некоторых неточностей и ошибок, допущенных в этом издании.

Первая глава - Идейно - тематические доминанты творчества Андрея Платонова - состоит из краткого введения, четырех подразделов: "Без истины стыдно жить", Память о замученных..., Идея бессмертия, "Велик мир в детстве" - и выводов.

Во введении к первой главе рассматриваются особенности платоновского миропонимания, выразившегося довольно определенно с первых шагов творчества. Исходя из анализа высказываний Платонова 1919-1922 годов и основных мотивов его стихов, устанавливается, что, хотя он организационно принадлежал к "Пролеткульту" - даже являлся одним из руководителей Воронежского отделения его и в публицистике декларировал пролеткультовские взгляды, - фактически в своем творчестве писатель не укладывался в их каноны, что сам же и осознавал. Двадцатидвухлетний делегат с решающим голосом на Первом Всероссийском съезде пролетарских писателей в 1922 году, он дал следующий ответ на один из вопросов анкеты: "Каким литературным направлениям сочувствуете или принадлежите? - Никаким, имею свое"¹. Платонов даже в своей поэзии сочетал мотивы рабоче-революционные, заводские, вселенские с

¹. ЦГАЛИ, ф.1638, оп.1, ед.хр.31, л.59.

мотивам "голубиной" Руси - деревни, странничества, матери, детства, сиротства.... И это не было выражением надлома, а исходило их глубины его миропонимания, из сущности особого его творческого склада. Отсюда в стихах - "конфликт интонаций" /С.Бочаров/ и ритмические "сбои"; отсюда же берет начало и ранняя платоновская склонность к сочетанию разностилевых элементов в прозе /рассказ "Маркун", 1922/.

Напряженные поиски Платоновым своего видения и собственной творческой программы в начале 20-х годов сказались на некоторой пестроте прозаических жанровых форм. Он синтезирует разностилевые элементы, лишь относительно придерживаясь границ жанров.

Рано проступило у него пристрастие к широкой символично-философской постановке социально-этических проблем. Та или иная тема, обычно, осложнена множеством побочных мотивов, включает в себе глубокую полемичность по отношению к литературной и философской традиции, современным тенденциям, иногда - "самополемику". В связи с этим вопрос о темах и идеях в творчестве Платонова далеко не прост. Например, тема революции в одном из самых крупных и ярких его произведений - романе "Чевенгур" /1926 - 1929/ переплетается с темой "рождения мастера" и с темой народного страдания в дореволюционной России. И все эти темы связаны в платоновской художественной концепции со сложными, порой "вечными" и нелегко разрешимыми этико-философскими и социальными проблемами.

Постольку все темы творчества Андрея Платонова, мотивы, проблемы и средства их выражения охватить в рамках одной работы не представляется возможным, мы останавливаемся лишь на главных, в которых наиболее характерно отразились особенности художествен-

ного мира писателя.

В подразделе "Без истины стыдно жить" прослежены изменения во взглядах Платонова и отражение их в его программных произведениях 20-40-х годов.

Напряженнейшие, часто мучительные поиски смысла жизни, истины составляли основу творчества и личности Андрея Платонова.

В Великой Октябрьской социалистической революции он видел "осуществление народной правды на земле" в результате соединения "традиционного русского исторического правдоискательства с большевизмом". Соотнесение объективной исторической истины с субъективными проявлениями народного правдоискательства составляло важнейшую линию в творчестве писателя, особенно в 20-е годы. Пожалуй, одно из наиболее часто встречающихся у него слов - "истина". Гегелевское положение - "истина конкретна" - особенно близко было Платонову. Однако проникнуть в глубины истины, в "тайное тайных" мира и человека, по его мысли, чрезвычайно сложно. К тому же, у самой правды, у истины есть, по мнению Платонова, великий недостаток: "... она чувствует себя благом и желает стать любыми средствами всеобщим достоянием". Сам он страстно стремился к истине и знал, что легкость овладения ею - кажущаяся. Отсюда слова о "великом недостатке истины"... И для себя лично, и для своих героев Платонов избирал самые трудные пути к постижению истины.

В работе прослежена эволюция поисков автором и его героями - прежде всего общественной, "исторической истины". Глубинный подход к коренным вопросам бытия своего народа и страны сказался в том, что Платонов обратился к историческому материалу. Коренная платоновская проблема - разные уровни народного сознания и революция. Писатель-философ решил, в частности, разобраться в "исто-

рическом грехе" мужика - его вере в доброго царя. Именно с такой целью написан исторический рассказ "Иван Жох"/1926/. В купце Иване Прохорове /по прозвищу Жох/ - очередном самозванце, объявившем себя Петром III после казни Пугачева, раскольниковым ставленником - синтезированы разноценные свойства его личности, подчеркнута их противоречивость /линия, намеченная еще в стихотворении "Сказка", 1922/. Именно поэтому, несмотря на то, что самозванец - Жох, т.е. пройдоха, многое в нем "наталкивало" на образ Пугачева в пушкинской - возвышенной - интерпретации. А весь главный смысл произведения не в том, чтобы подчеркнуть "раскол народа с властью", как полагает Л.П. Фоменко. Ради этой нехитрой анархистской идеи не стал бы Платонов писать свой колоритный рассказ. Замысел иной и несравненно более глубокий. Он проясняется в финальной, 5-й главе, где решается судьба нескольких красных партизан, отбившихся от своего отряда в 1919 году. Спасаясь от Колчака, они находят странный город в сибирской тайге: Вечный - Град - на Дальней - реке, который основали сторонники Ивана Жоха после его разгрома. Потомки бунтарей накормили, придели красных партизан и дали проводника в Москву - правнука Ивана Жоха, Кузьму Сорокина, который, однако; бежит к Деникину, "Ночью я хотел убить Сорокина; но классовой силы у меня нехватило, - сообщает лирический герой, появившийся лишь напоследок, чтобы прояснить авторскую позицию. - За меня сделал это другой: таманьский командир в камере Армавирской тюрьмы в 1920 году"^I./Подчеркнуто нами - Д.Т./

В рассказе "Афродита" /1946/ в воспоминаниях главного героя тоже есть указание на борьбу Платонова в начале 20-х годов с самим собой: "Для Назара Фомина наступило печальное время: следственная власть сообщила ему, что станция сгорела не по случайности или неб-

I. А.Платонов. Епифанские шлозы. М., 1927, стр. 108.

режности, а сожжена злодейской рукой. Этого не мог сразу понять Фомин - каким образом то, что является добром для всех, может вызвать ненависть и стать причиной злодейства!^I /Подчеркнуто нами-Д.Т./

Для Платонова особенно болезненным было уничтожение этой электростанции потому, что он /как и его герой/ руководил ее постройкой. Перед ним встал вопрос, почему крестьянин восстал против того, что несло ему же свет и благо, откуда взялась враждебная сила, которая придала преступнику упорство даже в тюрьме. Автора занимают истоки, классовые корни поведения врага из народа. Потомки разинцев и пугачевцев могли очутиться и оказывались порой в деникинских войсках, а в период строительства социализма отдельные из них тоже действовали как злейшие враги общенародного дела. Их судьбу Платонов трактовал как трагическую.

Тема народного сознания нашла продолжение на "современном" материале полнее всего для 20-х годов в романе "Чевенгур" /1926-29/ и повести "Сокровенный человек" /1927/. Наиболее волнующей для писателя была проблема обретения истины революции "корявым" сознанием мастерового, умение которого очень высоко ценилось Платоновым. В произведении "Сокровенный человек" автор пошел по "линии наибольшего художественного сопротивления",² и с момента своего появления до сих пор оно вызывает острую полемику. Спор возникает о степени "корявости" главного героя /Л.Шубин и Г.Белая против Л.Фоменко/, об органичности или неорганичности концовки повести /Н.Сейранян polemизирует с теми, кто касался этого вопроса, - Н.Замошкиным, М.Майзелем и др./ . Действительно, перед нами одно из самых лукавых, если можно так выразиться, платоновских произведений. Анализ подтекста и образной системы его позволяет сделать вывод: Платонов

1. Андрей Платонов. Избранное.- "Московский рабочий", М., 1966 стр.508 .

2. "Новый мир", 1928, № 3 стр.226 /Рецензия Н.А.Замошкина/.

отнюдь не был певцом стихийничества и не идеализировал анархистские настроения. Этот тезис прослеживается также на материале одного из наиболее спорных по своей концепции платоновских произведений - романа "Чевенгур" и на материале сатирического рассказа "Усомнившийся Макар" /1929/.

Привлекаются и откровенно публицистические высказывания А.Платонова об анархизме, в которых легко узнаются парафразы крылатых ленинских высказываний из работ: "Анархизм и социализм", "Партийная организация и партийная литература" и опосредованное отражение их в платоновских художественных текстах.

Склонность к полифонии и пародийные элементы, которые буквально пронизывают роман "Чевенгур" и особенно характерны для его сатирических произведений, иногда сильно затрудняют выявление авторской позиции. Анализ структуры одного из лучших фрагментов романа "Чевенгур"^I помогает довольно точно определить идейную направленность его и по-иному осветить вопрос об "анархизме умонастроения" Платонова.

Весь фон, описание поступков и слов анархистов в "Приключении" выявляют отрицание Платоновым практики и теории анархизма. Это сказалось и в обрисовке невмешательства "вождя" со значущей фамилией Мрачинский в действия своего отрядика, раздевавшего коммуниста перед казнью; и - в контрасте положения оппонентов /"Так вам понравилась моя книга?" - спросил вождь.

Дванов был уже без плаща и штанов. Никита клал их в свой мешок"/; и - в подчеркнутом равнодушии всех анархистов к судьбе человека /"Остальные анархисты закуривали, не обращая внимания на Дванова и Никиту"/ - во всем подтексте вещи.

Очень многозначительно, скажем, то, то автор поместил отряд

I. Опубликовано как рассказ под названием: Приключение. - "Новый мир", 1928, № 6. Переиздан в 1966 г. в "Кругозоре", № 11.

анархистов в "глубину оврага" и вязкую глину. В образном строе платоновских произведений овраг всегда обозначает враждебность человеку и олицетворяет зло. Будучи мелиоратором по профессии, Платонов много труда положил на борьбу с разрушительными силами природы, в том числе - с оврагами и глинистыми почвами. В рассказе "Государственный житель" /1929/ одной из причин бедствий села оказывается та, что оно расположено на "склонах" оврага, "мучившего" крестьян.

Таким образом, тенденция у Платонова также проявляет себя и в тропах, выборе фона и т.д. Ряд сцен из романа "Чевенгур" тут достаточно "прозрачен". Выдержки же из его публицистики начала 20-х гг. говорят о том, что Платонов рано дифференцировал разные уровни сознания как неоднородные, понимая авангардную роль коммунистического миропонимания.

В его художественном творчестве это выражено опосредовано, и коллизии "завоевания истины", как правило, драматизируются им.

Непомерные трудности обретения народным сознанием "исторической истины" и народную нужду рисовал он преимущественно в 20-е годы /"Чевенгур", "Сокровенный человек"/. В 30-е годы, по мнению Платонова, основные массы народа обрели уже социальную истину марксизма-ленинизма. И тогда драматизм в изображении процесса постижения героями смысла общей и своей жизни идет на убыль.

Переломной на этом пути оказалась для писателя повесть "Котлован" /1929-1930/, где с наибольшей силой появились некоторые противоречия Платонова.

Хроника "Впрок" /1931/, которая вызвала бурю среди рашповцев, была остросатирической, но, по сути дела, уже не отражала той жгучей тревоги, которая звучала в "Котловане", а очерк 1930 года "Первый Иван" героизировал результаты технического

творчества трудящихся". В 30-е годы на новом уровне философской мысли и не менее драматично, чем в 20-е годы писатель снова обратился было к мотиву изувеченной народной души и спасения ее, что было вызвано активизацией фашистской идеологии в Западной Европе. Среднеазиатские впечатления от поездки Платонова 1934 года придали неповторимый колорит рассказу "Тавыр" /1934/, повести "Джан" /1934/, сценариям "Аяз"¹ и "Карагез"². Тема "души" - этой альфы и омеги платоновского мира - становится ведущей в произведении "Джан" /само слово "джан" означает "душа", как поясняется в тексте/. По жанру оно настолько необычно, что ему даются самые смелые определения.³ В сущности, это иносказание с модификацией библейских легенд, мифологических элементов Запада и Востока - о спасении "потерянных душ".

Вопрос об обретении "исторической истины" самыми "потерянными душами" перед лицом общего противостояния двух миров /социализма и фашизма/ в "Джане" драматизирован, но не пессимистичен. Вопрос об "исторической истине", без обретения которой "стыдно жить", отныне и до конца творчества Платонова уже не будет ставиться им драматически.

Что же касается истины природной, или "физической", то до последних лет жизни тайны овладения ею мучили Платонова. Так, например, в либретто сценария "Настоящее и будущее" /40-е гг./ ученый-атомщик Иван Николаевич Свешников, потрясенный угрозой III мировой войны, усиленно "работает над средством физического преобразования мира, что: 1/ даст ему возможность увидеть почти идеальную картину физической истины мира и 2/ создаст новый материальный порядок, регулируемый по воле его создателя-человека, что явится

¹ ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. I, ед. хр. 23, 30 л. Рукопись.

² Архив М. А. Платоновой. Рукопись.

³ Например: "Мистерия Андрея Платонова" - статья В. Турбина в журнале "Молодая гвардия", 1965, №7.

мощным источником благосостояния человека"¹. /Подчеркнуто нами - Д.Т./ . Проблема наиболее полного овладения объективной истиной природы - как средством улучшения благосостояния человека - была животрепещущей для Платонова на всем протяжении творчества и обуславливалась современностью.

Очень занимала художника и проблема истины в искусстве, о чем могут свидетельствовать рассказ "Скрипка" /фрагмент из неоконченного романа начала 30-х годов "Счастливая Москва"/, пьеса "Пушкин - ученик Лицея" и сцена "Пушкин на экзамене" /конец 30-х годов/, рассказ "Одухотворенные люди" /1942/ и сказка "Уля"...

Для себя самого Андрей Платонов избирал нелегкие пути, чтобы постигнуть истину в событиях, людях, природе, искусстве и высказать то, что он считал необходимым для блага своего народа.

Во втором подразделе первой главы - Память о замученных - рассматриваются причины обостренного внимания Платонова к страданиям "социального" и "природного" человека, цели и формы отображения этих страданий в платоновском художественном мире. Трагедийность изображения была вызвана у автора, прежде всего, одним из определяющих пунктов его концепции мира и человека. По мысли Платонова, все прошлые века до Великого Октября - "нового прекрасного сотворения мира" - калечили и уродовали народ, который был "сиротой", и задача нового строя как можно скорее исправить вопиющую социальную и порождаемую ею бытовую несправедливость. Отсюда символические мотивы вымирания, сиротства, нищеты, механистичности, отчуждения при изображении им людских судеб в царской России /"Происхождение мастера", 1928; "Семен" 1936; Глиняный дом в уездном саду", 1936 и ряд др./, в буржуазном обществе /"Алтерке", 1940/ или в фашистском мире /"Мусорный ветер", 1934, "По небу полуночи", 1939 и др./.

¹ ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 98, л. 31

В работе показано, что большой удельный вес и сила выразительности при обрисовке народных страданий вытекали у Платонова из своеобразного взгляда его на одну из важнейших задач искусства /в ряду других/ - быть "службой ... вечной памяти" о невинных жертвах социально несправедливых систем /царизма, капитализма, фашизма/. Вместе с тем, изображение страдания никогда не было самодовлекшим в его творчестве, а предельно заострялось с целью преодоления безобразного во имя прекрасного, так же, как например, у В.Гюго в "Соборе Парижской богородицы", у Л.Андреева в "Стене", у Л.Леорова в "Темной воде". Подобный принцип, как известно, является принципом романтизма. Случается, иногда автор злоупотребляет натуралистическими деталями, так что они могут вызывать даже чисто физическое отвращение - что приходится отнести к издержкам стиля того или иного художника /"Стена" у Л.Андреева, "Мусорный ветер"-А.Платонова/.

При разработке мотива страдания народа в дореволюционной России Платонов нередко специально подчеркивал свою традиционность, косвенно указывая в контексте на источники /переключаясь с Некрасовым, Г.Успенским, Тургеневым, Достоевским, Салтыковым-Щедринским и другими /. И вместе с тем нет ни одного из традиционных мотивов, который бы художник не "переосмыслил", не явил по-своему, достаточно свежо и неожиданно. Это происходит с мотивировкой отравления младенца в "Происхождении мастера", с раскрытием мотивов :сиротства и выморочности в "Глиняном доме в уездном саду", "одичания" в "Котловане" и "Мусорном ветре", с изменениями в мотивах "потери памяти" или механистичности и т.д.Иной раз художественная дерзость" Платонова, синтезирующего фольклорные приемы и чисто литературные, - просто поразительна. Произведения "Происхождение мастера", "Бучило", "Мусорный ветер", "Девушка Роза",

даст богатый материал для наблюдений такого рода и-основания для того, чтобы оспорить точку зрения А.Гурвича, привязывавшего Платонова к теме страдания во имя культивирования самого страдания.

В третьем подразделе первой главы - Идея бессмертия - раскрывается одна из самых настойчивых идей платоновского творчества. По мысли Платонова, человек должен оставить свой след в памяти поколений, хотя это дано не всем - лишь героям труда или боев. Романтизация писателем народа придавала этому тезису широкое значение. Что же касается "следа" в "памяти природы", в "круговороте веществ" - то тут, по Платонову, правомочны абсолютно все. Но это заслуга природы, а не человека. Человек же должен стремиться остаться в "памяти поколений". И одну из задач искусства художник видел в том, чтобы не только формировать истинных героев, но и увековечивать их.

"Остатки жизни обязаны вечной памятью по ушедшим из жизни героям, - писал А.Платонов во время Великой Отечественной войны, - потому что живые сохранены подвигами тех, кто погиб. Но нельзя от последующих поколений требовать столь многого, человеческого сердцу свойственны не только долг и память, но также и забвение. Задачей искусства и является создание незабвенного из того, что преходяще, забвенно, что погибло или может погибнуть, но почему мы, живые, обязаны жизнью и спасением, в такой же мере обязаны, как матери; искусство должно здесь, преодолев недостаток человеческого сердца, склонного к забвению, восстановить справедливость"¹.

Эта точка зрения определяла позицию автора на всем протяжении его творчества. И тут философская углубленность в корни проблемы вела автора в 20-е годы к историческому материалу. В повести "Епифанские шлюзы" /1927/ Платонов стремится доказать

¹А.Платонов. Из записных книжек. - "Кубань", 1972, №2, стр.65-66.

/от противного/, что "замыслы петровской эпохи осуществляются против воли масс и в этом их бессилие"¹. На этом основании Платонов отказал Петру Великому в праве на бессмертие. Правда, в 30-е годы, создав сценарий на основе "Епифанских шлюзов", писатель пересмотрел этот вопрос. Пет. I представлен в этой редакции преобразователем России, несмотря на неудачу с Волго-Донским каналом. В ремарке он "поставлен" у карты водных путей России, "лицо его тоньше и напряженней, чем обычно представляют", он замыслил "все реки в одно водяное тело слить"², трудится всю ночь и т.д.

Таким образом, изначальная тема Платонова - бессмертие трудового народа дополнялась в 30-е годы темой бессмертия выдающегося человека - будь то даже жестокий деспот - если он печется о благе страны. При этом вопрос: какой ценой достигается это благо - никогда не снимался Платоновым. Так, в том же сценарии есть смелые и не без подтекста слова Прозоровского, обращенные к Петру Великому: "Государь, я не смерти боюсь, а несмышленого царя. Вся Русь наша - божья трава, а ты ее за листья тащишь, чтобы лишь росла"³.

В сценарии "Епифанские шлюзы" /"Создание царства"/ отчетливо проступает один из платоновских лейтмотивов - умельство. В панораме "общих работ", упоминаемых в либретто сценария, отмечен "конвейерный способ работ, введенный на Руси лет 300-400 назад". "Умельство", самоотдача в труде - неперемное, по Платонову, условие ценности человеческой деятельности, смысл всей жизни. Идея бессмертия человека в освобожденном, созидательном труде - постоян-

1. Статья: Против халтурных судей. - "Литературная газета", 1929, 14 окт., № 26.

2. А. Платонов. Епифанские шлюзы /Создание царства/. Либретто. - Архив М.А. Платоновой, л. 6-8.

3. Там же, л. 80

ная во всем творчестве писателя. Он развивает и дополняет линию, начатую в нашей литературе Н.А. Некрасовым и переосмысленную М. Горьким. Наряду с Ф. Гладковым, Ив. Катаевым, Ю. Олешей, Л. Леоновым, Андрей Платонов явился одним из зачатнейших в советской прозе темы труда, в горьковском ее понимании - как "всемогущего труда, изменяющего мир"¹ и человека. Платонову удалось сказать свое слово об электрификации села, мелиорации, освоении пустыни, железнодорожной службе.

На материале произведений "Родина электричества" /1926/, "О потухшей лампе Ильича" /1927/, "Луговые мастера" /1927/, "Песчаная учительница" /1927/, "Бессмертие" /1936/, "Свежая вода из колодца" /1937-1939/, "На заре туманной юности" /1938/, "Жена машиниста" /1940/, "В прекрасном и яростном мире" /1940/ прослежены цели и особенности изображения Платоновым трудового подвига советского человека как залога его бессмертия.

В период Великой Отечественной войны главной идеей писателя становится бессмертие советского человека в боях с фашистскими оккупантами. Книга военных рассказов очень характерно названа в издании 1970 года - "Смерти нет!" - по авторскому подзаголовку к рассказу "Оборона Семидворья" /1943/. Чрезвычайно показательным для подхода Платонова к одной из доминантных своих идей является и "Краткое изложение сценария под условным названием "Бессмертный солдат"², где поведение солдат на войне мотивируется их моральной сущностью, этикой жизни до войны.

Философский аспект осмысления причин и проявлений массового героизма советского народа в Великой Отечественной войне придает платоновским произведениям "Одухотворенные люди", "Сержант Шадрин", "Оборона Семидворья", "Маленький солдат", "В сто-

¹ М. Горький. По поводу плана хрестоматии. - Правда, 1939, 18. VI.

² ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. I, ед. хр. 98, л. 17-25.

рону заката солнца" и др./ особую значимость в нашей литературе.

Тема "природного бессмертия" и проблема продления активной человеческой жизни рассматривается в диссертации на материале довоенных рассказов "Третий сын" /1936/, "Старик и старуха" /1937/, где трагедийное начало ослаблено и где проступает традиция Л.Толстого /"Три смерти", отношение к смерти мужика/.

В четвертом подразделе I главы - "Велик мир в детстве" раскрывается, насколько своеобразно, новаторски проявил себя Андрей Платонов в своем "детском цикле" /"Семен", 1936; "Июльская гроза", 1938; "Железная старуха", 1941; "Корова", 1943; "Никита", 1945; "Цветок на земле", 1945 и др./ . Прослежена связь "детской линии" с важнейшими проблемами всего творчества писателя и с традицией предшествующей "детской литературы". Новые глубокие пласты детской психологии введены именно А.Платоновым в литературу /"Семен", "Июльская гроза" и др./, преследовавшего в своем "детском цикле" прежде всего высокие этические цели /"Июльская гроза", "Маленький солдат", "Ветер-хлебопашец"/.

Дети и природа, дети и социальное устройство общества, дети и война, дети и интимный мир взрослых с его нормами нравственности и отклонениями от них - вот в самых общих чертах круг проблем, которые ставил Платонов в своих детских рассказах, интересных и для детей и для взрослых. Его интересовал ребенок не только как генезис судьбы, характера человека, народа, а как сложный мир в мире, в тончайших проявлениях, диалектике, процессе роста, в запредельных тайнах подсознания. Здесь А.Платонов соотносится с Л.Толстым, Ю.Олешей, М.Зощенко, В.Степановым и некоторыми другими писателями, новаторски явившими или обогатившими "детскую тему". В заключение говорится о платонов-

ской традиции у некоторых современных писателей /Ю.Нагибин, Ю.Казаков, В.Белов и др./.

В выводах по I главе систематизируются основные положения, изложенные во всех четырех разделах.

Во 2-й главе - Проблема героя у Андрея Платонова - говорится о поисках писателем "героя времени" и специфике образа-характера у него. Примером "гармонической личности" для Платонова, как для М.Горького и В.Маяковского, являлся Владимир Ильич Ленин. Одним из самых первых и глубоких выступлений в советской литературе о Ленине была платоновская статья к 50-летию Владимира Ильича. В ней говорилось: "Ленин - душа рабочего класса и его сердце, его мозг"¹. Автор подчеркивал единство вождя с "восставшим, побеждающим народом", считая Ленина "первым работником русской революции"; восхищался его "ясным, всеохватывающим и мощным разумом", "сверхчеловеческой волей", а также "самоотречением человека", отдавшего "целиком и полностью делу народа"; определялось главное в Ленине: что он "вперед узнал и высказал тайную, еще не родившуюся мысль, сокровенное желание миллионов трудового народа - и не одной России, а всего мира", сумев "мечту о высшей справедливости на земле претворить в "рабочую Советскую власть", "как показала жизнь"².

Ленин очень часто упоминается во многих платоновских произведениях на всем протяжении творчества; сама же тема или образ нашли воплощение в стихотворении "На смерть Ленина" /1924/ и чрезвычайно остранинном сказовом фрагменте в хронике "Впрок" /1931/.

¹ Статья А.Платонова: Ленин. - Газета "Красная деревня", 1920, II апреля, № 29, стр.4.

² Там же.

Отблеск идеального человека ложится на всех платоновских "одухотворенных" людей, к которым он был особенно привержен и в составные которых входила непременно романтизация революции, любовь к матери, Родине, природе, ребенку, труду, машине...

Конфликты человека на пути к "одухотворенности" проявляют себя на каждом шагу. Множество конфликтов - внешних и внутренних - наслаивались у Платонова друг на друга: между "материальным" и "идеальным" в жизни, между требованиями общества и стремлениями "частного" человека, возможностями его и реализацией этих возможностей на деле и т.д.

Для того, чтобы разобраться в клубке противоречивых сущностей, писатель на протяжении нескольких первых лет творчества /1918-1923/ стремится разобраться в самом себе и создает образы, которые ближе всего к автопортретам в разных масках /рассказы: "Волчек", 1920; "Маркун", 1920; "Сергея и я", 1921; фантазии: "Звездная пустыня, 1921; "Сатана мысли"; сказка "Тютень, Витютень и Протегален", 1922/.

Затем он обращает преимущественное внимание на умельца-мастерового /"Бучило", 1924; "Сокровенный человек", "Происхождение мастера"/. Умелец в качестве народного типа не новость в русской литературе /тургеневский Калиныч, лесковский Левша, Кулигин из пьесы А.Н.Островского "Гроза", Тихон Щербатый из "Войны и мира" Л.Толстого, Григорий Петров из "Горя" А.П.Чехова и ряд других/. Но Платонов явил его с самых неожиданных сторон, приурочив к новому времени и выверяя, соответствует ли он социалистическим идеалам. В 20-е годы Платонов глубоко и многосторонне разработал тип мастерового, прослеживая его генезис, проявления разных уровней сознания в револю-

ции и условиях строящегося социализма, рождение мастера новой жизни и возможности мастеровых в будущем.

Образы Захара Павловича из романа "Чевенгур" и Фомы Пухова из повести "Сокровенный человек" в их художественных мотивировках заключают в себе немало нового и ценного, что вносил художник в разработку этого типа в литературу 20-х годов и что недостаточно учитывалось нашим литературоведением.

Вместе с тем круг платоновских героев вовсе не так узок, как обычно представляют. Автор, например, живо откликался на изменения в социальном составе населения нашей страны и особое внимание в 30-е годы уделял образам молодых советских интеллигентов /пьеса "Высокое напряжение", 1929; роман "Счастливая Москва" - начало 30-х гг.; рассказ "Третий сын", 1936 и др./. Учитываются им и новые профессии и выдвижение женщин на непривычные должности и т.д. Кроме того, Платонов, хотя и эпизодически, но глубоко и нестандартно в 30-е годы обрисовал образы представителей буржуазного Запада /Альберт Лихтенберг из рассказа "Мусорный ветер", 1934; Катигроб из рассказа "Такыр", 1934; Зуммер из рассказа "По небу полуночи", 1939/. Эволюция этих образов и их широкая смысловая многозначность /в частности, содержащаяся в образе летчика-антифашиста Эриха Зуммера полемика со "шпенглеризмом", теорией "антигероя" в зарубежной литературе/ представляют немалый интерес. Писатель в этом направлении прервала Великая Отечественная война, и при изображении "западного человека" Платонов продолжает лишь тенденцию разоблачительную /"пустодушных"/, проявившуюся в обрисовке фашистов из "Мусорного ветра" и

Книга из "По небу полуночи".

Главное направление прозы Платонова в 30-е годы при изображении "великого рядового" советского человека из массы - это героизация его. В публицистике этого периода он оспаривал термин "маленький человек" по отношению к классической русской литературе. Программный рассказ Андрея Платонова - "Великий человек" /1940/ провозглашал "великим" колхозного конюха-подростка Григория Хромова. Во время Великой Отечественной войны эта линия продолжена в сказе "Иван Великий", где речь идет не о грозном царе XVI века, а о крестьянском сыне Иване Владыко, фамилию которого легко переименовать на Великий.

Но выявляя героическую сущность "великого рядового" советского человека, автор не идеализировал его, а рисовал большей частью в известных противоречиях, ставя проблему воспитания вполне гармонической личности, соответствующей идеалу коммунистического общества. Если в 20-е годы пробным камнем положительности в герое является: его одухотворенность революцией, слиянность с природой, любовь к людям и машине /"Сокровенный человек", "Чевенгур" и др./, то в 30-е и 40-е - к этим неизблевым основам прибавляется испытание на эмоциональную тонкость в интимной жизни /"Фро", 1936; "Река Потудань", 1937; "Возвращение", 1946 и др./.

Великую Отечественную войну, наиболее полно выявляющую героизм в массовых проявлениях у советских людей, Платонов считал также и силой, формирующей новые характеры. "Война с необычайной быстротой образует новые характеры людей и ускоряет процесс жизни, - отмечал он в своих "Записных книжках" той поры, -

...складываются и такие характеры, которые не могли сложиться прежде и которые, возможно, не повторятся в качестве подобия в другом человеке. Служба литературы, как служба вечной памяти всех мертвых и всех живых, увеличивается этим обстоятельством в своем значении и делается еще более незаменимой ничем¹.

В соответствии с этим, писатель стремился запечатлеть неповторимые и новые, на его взгляд, черты в характерах своих героев /"Полотняная рубаха", "Одухотворенные люди" и др./.

Приемы раскрытия образов-характеров разнообразны в творчестве Платонова и обусловлены прежде всего эволюцией его мировоззрения. Так, например, один из излюбленных в 20-е годы приемов - изображение героя странствующим /форма обретения им "исторической истины"/ - в последующие десятилетия в основном играет уже второстепенную роль. Стилеобразующим приемом выступает "странствие" лишь в "Джане" /1934/, "Реке Потудани" /1936/ и "Глиняном доме в уездном саду" /1936/ в связи с идейным замыслом каждой из этих вещей. Нельзя согласиться с А.Эпельбуэн, что на всем протяжении творчества А.Платонова "путешествие героя" является средством "преобразования себя и реальности"². Нередко это лишь компонент сюжета, одна из форм выявления характера в тех или иных его гранях и т.д.

В структуре образа у Платонова тоже наблюдается эволюция: в 20-е гг. преобладало комедийное начало с довольно широкой амплитудой /от буффонады до лирико-иронического изображения/, а в 30-40-е - превалирует лирико-романтический принцип.

¹"Кубань", 1972, №2, стр.66.

² Annie Epelboin. Les héros dans les nouvelles de Platonov.-
Faculté de Vincennes, 1968-69, p.26.

Причем, комедианность не исчезает бесследно, изменяется лишь дозировка ее.

Исследователи неоднократно пытались установить, в чем же заключается специфика платоновского образа-характера. Так, В.Свительский считает его особенностью "повышенную обобщенность", "преобладание общей мысли над конкретным наблюдением" и классифицирует его как образ-понятие¹. В.Ермилов осуждающе назвал его "психологическим гиньодем" "абстрактно-обобщенного характера"². Р.Сливовски применяет термин "гиньоде" к сатирическому персонажу этого писателя в смысле похвалы³.

Сам термин возник от собственного имени остроумного и циничного ремесленника Гиньоля / Guignol/, персонажа кукольного театра г.Лиона /XVIII ст./. Переосмысленное литературой и литературоведением понятие это стало нарицательным, в известной мере синонимичным "кукле", "марионетке" /включая в иных случаях характерность, идущую от Гиньоля/. Целая система фольклорных и литературных образов, особенно в сатире, романтической и символистской поэтике связана с мотивами куклы. Стилистические их особенности, кукла как тема и как персонаж представляет, на наш взгляд, отдельный интерес и в творчестве самого Платонова и у ряда советских писателей - Ю.Олеши, В.Каверина, Л.Леонова, М.Булгакова и некоторых других. Гиньодедность несатирического персонажа у Платонова может означать доведение автором до предела несоответствия между бурлескным внеш-

¹ В.Свительский. Конкретное и отвлеченное в мышлении Платонова-художника. - В сб.: Творчество А.Платонова. Статьи и обобщения. - Изд-во Воронежского универс., Воронеж, 1970, стр.8.

² "Литературная газета", от 4 января 1947 г.

³ R.Śliwowski. Andrej Piatonow. - "Polityka", 1967, 29.4.

ним выражением героя и его положительной сущностью.

Комедийное, даже буффонное, решение характера зачастую не исключает его героики /матрос Швандя из "Любовь Яровая" К.Тренева, Прошка из "Третьей патетической Н.Погодина/.

В творчестве А.Платонова в 20-е годы во многих героях и персонажах можно проследить подобные проявления, отталкивающиеся от лубочного богатыря, Иванушки /или Емели/ - дурачка, русских вариантов Дон-Кихота, Швейка, Уленшпигеля, Кола Брюньона... На примере ряда героев "Чевенгура", Фомы Пухова из повести "Сокровенный человек" и др. прослежены различные модификации Платоновым фольклорных и литературных образов.

Вместе с тем, в работе указывается, что в платоновской прозе 20-х годов был намечен и лирический принцип изображения образа-характера /Мария Нарышкина из рассказа "Песчаная учительница", 1926 г., Александр Дванов из "Чевенгура", кроткий Филат из "Ямской слободы" и др. его "кроткие"/. В 30-е - 40-е гг. верх берет откровенная романтизация: образы Левина /"Бессмертие", 1936/, Ольги /"На заре туманной юности", 1937/, Альвина /"Свежая вода из колодца", 1937-39/, Петра Савельевича /"Жена машиниста", 1940/, Красносельского, Фильченко, Одинцова /"Одухотворенные люди", 1942/, сержанта Шадрина из одноименного военного рассказа, Ивана Толокно /"В сторону заката солнца", 1943/, девушки Розы из одноименного произведения 1943 года, "волшебного существа" Наташи и генерала Климицкого /послевоенная пьеса "Волшебное существо"/ матерей и др.

"Лейтмотивное построение" /Б.Михайловский/ образа зави-

сит всегда у Платонова от "сверхзадачи" произведения - места в цикле, главенствующей идеи; определяется полемической целью и другими задачами - жанровой, психологической и др. Событийная линия при этом, как правило, играет второстепенную роль. Во многих героях и персонажах Платонова модифицированы фольклорные, мифологические, библейские или литературные мотивы, среди которых самыми излюбленными являются мотивы Дон-Кихота и сказочного Иванушки-дурачка. Сложная символика, глубина и обобщенность идей в образе-характере, полифоничность платоновских текстов иногда затрудняют непосредственное их восприятие. Склонность к учительству, некоторой дидактичности иногда слишком сказывалась на их структуре, особенно в 30-е - 40-е гг. /Григорий Хромов из "Великого человека", Авдей Васильевич из рассказа "От хорошего сердца" и некоторые др./.

Но каждый из платоновских типов - при всех своих недостатках - составляет безусловный интерес как в циклах художника, так и в общелитературном процессе и, прежде всего, по оригинальности исполнения. Для раскрытия сущности своих героев и персонажей Платонов использует их отношение к важным общественным событиям, окружающим людям /особенно детям/, природе, машине. Для иллюстрации нами привлекались диалоги и автохарактеристики, имеющие полемический подтекст; рассматривались приемы отражения героя в ряде других в рамках одного произведения или в цикле, портретные детали и проч.

Философское содержание в любых персонажах Платонова, обычно, очень глубокое. Они представляют огромный интерес и по емкости смысла, заложенного в них, и по оригинальности художественных решений.

В заключении кратко сформулированы основные положения, выдвинутые в диссертации, раскрывается новаторство писателя в художественной реализации ряда мотивов, проблем и в приемах изображения; наконец, намечаются возможные пути дальнейшего исследования стиля Андрея Платонова — одного из редкостных мастеров русской советской прозы.

Основное содержание диссертации опубликовано в следующих работах:

1. Статья: "Ранняя проза Андрея Платонова". — В журнале "Радянське літературознавство", 1969, №9, с.48-51. / "Ранняя проза Андрея Платонова". — В журнале "Советское литературоведение", 1969, №9/.

2. Статья: "До проблеми позитивного героя в творчості Андрія Платонова". — В журнале "Радянське літературознавство", 1971, №II, с.34-45. / "К проблеме положительного героя в творчестве Андрея Платонова". — В журнале "Советское литературоведение", 1971, №II.

3. Статья: О некоторых особенностях поэтики Андрея Платонова. — В сборнике статей: Вопросы литературы. Метод. Стиль. Поэтика. — "Редакционно-издательский отдел Киевского государственного педагогического института им.А.М.Горького." — /Учебный план 1972 года, печатается/.

26.IV.1973 г. Объем I,75 п.л. Формат 60 x 84^I/₁₆.

Зак. 2865 Тираж 200 экз.

Киевская типография научной книги, Киев, Репина,4.